

С этими словами она сунула что-то Ли Тан прямо в руки.

Бу Даньмань, покраснев от смущения, уже собиралась отвернуться, как вдруг увидела, что Ши Чжицю открыла свои большие, ясные глаза и улыбнулась ей дружелюбной улыбкой.

Её сердце внезапно взорвалось, словно в нём расцвёл цветок.

Ли Тан, случайно заметив выражение лица Бу Даньмань — похожее на лицо одержимого, даже со следами слюны, — внутренне слегка испугалась: не довела ли она будущую наследницу семьи Бу до умопомешательства?

Вспомнив утренний инцидент, она с облегчением подумала, что хорошо, что не применила силу, иначе оправдаться было бы невозможно.

— Спасибо за твой подарок, ученица Бу, — сказала она.

Она взяла то, что ей дали, и помахала этим в сторону Бу Даньмань. Её голос долетел с одного конца комнаты до другого, до ушей Бу Даньмань, которая всё ещё наслаждалась улыбкой красавицы, и внезапно искра в её сердце погасла, полностью залитая водой.

Бу Даньмань фыркнула и стала смотреть по сторонам, её взгляд блуждал в пространстве, лишь изредка украдкой бросая взгляды на Ши Чжицю.

Ли Тан вытерла холодный пот, выступивший на лбу. Нынешние старшеклассники — народ непростой, все такие гордецы.

Она торжественно поблагодарила Чжао Аньвэнь и, помахав едой в руках перед Ши Чжицю, дала понять без слов.

Достав содержимое, она увидела длинный батон, две сосиски и две бутылки молока. По её смутным школьным воспоминаниям, всё это стоило больше, чем плата за обучение, которую внесла Бу Даньмань.

Ох! Нет же! Бу Даньмань изначально хотела заплатить 100 юаней, но она твёрдо отказалась. Ли Тан почувствовала острую сердечную боль.

Ли Тан мало что знала о школьной жизни Ши Чжицю. В прошлой жизни она спрашивала, но та уклонялась от ответов, возвращая вопросы обратно. Она знала только, что они были в одном классе.

Глядя на то, как глаза Ши Чжицю вдруг загорелись, у Ли Тан защемило в носу, и в душе поднялась буря эмоций. Сколько же страданий пришлось пережить её Ацю?

Ли Тан развернула упаковку длинного батона. Его вид был настолько старомодным, что через десять лет такие уже не производили, но сейчас они были в моде.

Она разломала его пополам, отломала кусок и положила на ладонь Ши Чжицю, затем открыла молоко и вставила трубочку. Марка «Мэнню», упаковка была простенькой, сейчас цена невысока — два юаня за бутылку.

Ши Чжицю пристально смотрела на Ли Тан, видя, как та аккуратно выполняет каждое действие, казавшееся простейшим, но исполненное заботы. Её пальцы были длинными и стройными, и почему-то Ши Чжицю снова покраснела.

— Ацю, ешь, — сказала Ли Тан.

Она огляделась — учитель ещё не пришёл — и терпеливо наблюдала за Ши Чжицю. Только что она заметила, как та сглотнула, наверное, проголодалась.

Ли Тан отломала кусочек хлеба, положила в рот, медленно размочила и стала жевать грубый старомодный батон. Она невольно вспомнила тот нежный, вкусный, воздушный и мягкий хлеб, который будет через десять лет, его насыщенный аромат всё ещё чудился ей.

Она невольно глубоко вздохнула. Увидев это, Бу Даньмань мысленно произнесла десять тысяч саркастических комментариев.

— Неужели этот хлеб такой противный? — злобно посмотрела Бу Даньмань на Си Чжэнь. — Где ты его купила?

— В пекарне за школой, пришлось долго стоять в очереди. Что, Дань-цзе, что-то не так? — Си Чжэнь, купившая хлеб сразу после урока, сначала думала, что Бу Даньмань сама будет его есть, но оказалось, что отдала другим.

Бу Даньмань покачала головой, затем кивнула, задумавшись:

— В той пекарне я тоже ела, вкус вполне нормальный.

Она прищурилась, снова посмотрела на Ши Чжицю, увидела, что та ест с полным удовлетворением, и на душе у неё стало легче.

Наверное, не в том, что невкусно, а в том, что этот вечно первый в рейтинге так растрогал её. Бу Даньмань снова подумала про себя: «Ну и пусть растрогалась, тогда отпусти мою маленькую Цюцю, пусть я сама о ней позабочусь».

Учитель на этот урок пришёл особенно поздно и, войдя, сразу же позвал Ли Тан в учительскую, на лице его была тень печали.

Да, он был убеждённым сторонником первого класса.

Кто бы мог подумать, что, как только войдёт директор, он хлопнет по столу и всё решит.

— Ли Тан, её не исключат за организацию курсов?

— Возможно.

— Боже, а мы сможем вернуть свои деньги?

— Дурак, если её исключат, ей будет проще нас учить!

...

Подобные диалоги то и дело возникали в классе. Учитель молча стиснул губы, продолжая пребывать в печали.

Рука Ши Чжицю, державшая книгу, судорожно сжалась, её взгляд не отрывался от двери.

Воспоминания Ли Тан об учительской уже несколько лет были смутными, она несколько раз ошиблась дорогой и случайно наткнулась на юношу, державшего в руке сигарету, от которого веяло непонятной подростковой бунтарской аурой.

— Юй Чи.

Юй Чи сидел за искусственным холмом, рядом прикрывали деревья, по этой дороге редко кто ходил. Внезапно услышав зов, он поднял голову и увидел ту девушку, что была утром.

Он бросил сигарету, что держал в руке, на землю, встал и, обладая абсолютным преимуществом в росте, смотрел на неё сверху вниз, с раздражением спросил:

— Дело?

Та смотрела на него с полуулыбкой, взгляд был колючим, словно она разглядывала добычу.

Ли Тан действительно размышляла, какую ценность он может для неё представлять. Даже если ценности не будет, она всё равно протянет руку помощи, ведь в прошлой жизни этот человек спас ей жизнь.

Она ногой раздавила только что брошенный Юй Чи окурок, зевнула:

— Если ты сможешь поступить в университет в Пекине, я решу проблему твоей матери.

— Конечно, в качестве платы ты будешь работать на меня три года.

Выражение лица Юй Чи стало серьёзным. Он не знал, правду говорит собеседница или нет, а о его матери знал только он один.

— Не сомневайся, делай, как я сказала. Два месяца, твоя мать сможет подождать, и ты сможешь, — сказала она.

Если раньше он ещё сомневался, то теперь Юй Чи был поражён. Врачи давали срок три месяца, и два месяца действительно можно было подождать.

Он уже собрался заговорить, как увидел, что девушка прошла мимо него, и поспешно спросил:

— Кто ты?

— Ли Тан.

Девушка пошла вперёд, увидела указатель на учительскую и удовлетворённо кивнула.

Юй Чи застыл на месте, глядя, как девушка удаляется, и тихо прошептал:

— Ли Тан.

В учительской директор доброжелательно смотрел на Ли Тан, завуч услужливо придвинул стул, предлагая ей сесть.

На столе уже был заварен чай, лёгкий аромат свежего лунцзина витал в воздухе.

— Ученица Ли Тан, школа очень заинтересована в твоих результатах, — директор подвинул заваренный чай лунцзин к Ли Тан, на лице его была искренняя улыбка.

Он сделал паузу и снова сказал:

— Хотелось бы спросить, как тебе, ученице, удаётся каждый раз занимать первое место в рейтинге?

Ли Тан улыбнулась, про себя подумала: «Старая лиса, однако».

— Учитель может только указать дверь, а совершенствование зависит от самого ученика.

Директор и завуч оба застыли. Эти слова были равносильны тому, что ничего не сказано.

Завуч доброжелательно посмотрел на Ли Тан:

— Ученица Ли Тан, школа планирует провести обмен опытом, хочет, чтобы ты выступила с речью, повела всех старшеклассников вместе вперёд.

Ли Тан почувствовала, как у неё по всему телу побежали мурашки.

— Директор, завуч, до гаокао осталось два месяца, будучи старшеклассницей, я действительно

не в силах.

— Но как часть первой средней школы, столкнувшись с таким делом, я обязана взять на себя ответственность, только...

Директор и завуч переглянулись. Если дело можно решить деньгами, то это не проблема.

— У меня есть подруга, её результаты по китайскому, математике и английскому находятся на передовых позициях, только результаты по физике и химии слишком плохие, зато по истории и географии очень хорошие.

Услышав это, завуч почему-то показалось знакомым. В голове у него внезапно всплыли слова классного руководителя гуманитарного класса:

— Этой ученице не стоит идти на естественные науки, с такими хорошими результатами она обязательно поступит в Пекинский университет.

— Это Ши Чжицю? — с сомнением спросил завуч.

— Да, позвольте ей сдать гаокао по гуманитарным наукам.

Директор, сдерживая гнев, уже много лет никто не смел так не считаться с его лицом, он усмехнулся:

— Ты сказала — сдать гуманитарные науки, значит, сдать? Куда школу поставила!

В комнате повисла напряжённая тишина, лёгкий аромат лунцина постепенно рассеялся в воздухе.

Ли Тан глубоко вздохнула, словно разговаривая сама с собой, а словно с возлюбленным:

— Но результаты Ши Чжицю по гуманитарным наукам легко займут первое место в городе, а первое место в провинции — это лишь вопрос её желания.

Директор, завуч: «Нынешние дети что, все боги, что ли?»

Когда Ли Тан вернулась в класс, урок уже закончился. Ши Чжицю стояла у лестницы, смотря вдаль.

Пока знакомая фигура не приблизилась, она невольно улыбнулась, и её колотящееся сердце постепенно успокоилось.

<http://bllate.org/book/15496/1373990>